

Двойственность картезианского рационализма и его влияние на развитие общественного сознания

Д. В. Третьяков

Воронежский экономико-правовой институт, филиал в г. Старый Оскол, Россия

dmitrtretyakoff@yandex.ru

Декартовский дуализм рассматривается как одно из философских оснований общественной идеологии, содержащей стержневую идею какой-либо тотальности, или идею идей. По мнению автора, подтверждаемые обыденным опытом дуалистические представления о существенном разрыве между нашим мышлением и состоянием физического мира формируют у широких масс потребность в поиске некоей силы, которая бы позволила наиболее эффективно влиять на «грубую» материю. Утверждается, что это обуславливает привлекательность идеологий, предлагающих ясные смыслосложившиеся ценности и основанные на них готовые «рецепты» поведения.

Ключевые слова: картезианский дуализм; формирование общественной идеологии; тотальность; идея идей.

Duality of Cartesian Rationalism and its Influence on Social Consciousness

D. V. Tretyakov

Stary Oskol branch of Voronezh Institute of Law & Economics, Stary Oskol, Russia

dmitrtretyakoff@yandex.ru

The author considers Cartesian dualism as one of the philosophical foundations of a social ideology that contains the idea of any totality (in other words, the idea of ideas). The author states that dualistic notions of a significant gap between our consciousness and the state of the physical world are determined by everyday experience and form in global public the sustainable need to find some kind of force that would most effectively influence the physical environment. In the author's opinion, during long-term periods it causes the popularity of ideologies offering life-long values and ready-made "recipes" of behavior based on them.

Keywords: Cartesian dualism; social ideology formation; totality; idea of ideas.

Декартовский дуализм субстанции мыслящей и субстанции протяженной, на наш взгляд, представляет собой немалый интерес с точки зрения вопроса о формировании общественной идеологии, имеющей в своем основании идею какой-либо тотальности. Многие миллионы людей, оказывающиеся под знаменем той или иной идеи,

могут иметь очень смутные представления о том, кто такой Декарт и в чем несхожесть *res extensa* и *res cogitans*. Однако каждый человек, в особенности в затруднительных, чрезвычайных обстоятельствах своей жизни, сталкивается с жесткой зависимостью своих состояний сознания от отчужденных протяженных «тел» и не менее отчужденного

времени, которое сам Декарт называл лишь «способом мыслить истинную длительность вещей» [1, с. 451]. Эту зависимость люди привыкли называть страданием, а ее самые крайние формы приводят к смерти вполне лично определенной «мыслящей субстанции». Протяженность пространственная однажды исключает того, кто «мыслит, следовательно, существует», а протяженность времени из «способа мышления длительности» превращается в способ прекращения индивидуального мышления вообще.

Методологическое обострение субстанциального дуализма, осуществленное Декартом, оказало на общественное сознание Европы не меньшее влияние, нежели формирование постулатов протестантской этики, исходя из идей Лютера, Кальвина и Цвингли. В значительной мере философия Декарта обеспечила этой этике рационалистический стержень. Действительно, если прекращается мышление, а значит, и существование, то разве не проблематизируется существование бессмертной души в принципе? Сам Картезий в «Основаниях метафизики» твердо стоял на позициях бессмертия, неделимости и онтологической независимости души. Однако в этом же тексте он четко описал ситуацию, ставшую впоследствии основанием для разрушения надежд на духовное бессмертие, — люди «так привыкли рассматривать все с помощью воображения, которое представляет собой лишь частный род мышления о материальных вещах, что все, чего нельзя вообразить, кажется им непонятным» [2, с. 271].

Дальнейшие размышления Декарта направлены на то, чтобы утвердить духовное бессмертие. Однако мы встанем на сторону того сознания, которое пользуется «воображением», мыслящим о материальных вещах. Данный «частный род мышления» преобладал в общественном сознании и во времена Картезия, и остается таковым сегодня. Это совершенно не удивительно, ибо человеку необходимо осознавать и преобразовывать под себя мир материи, каковой объективно забирает на себя основную силу и время мышления. Так, вообразим некоего

совершенного рационалиста-прагматика. С его точки зрения, хотя бы в целях сохранения жизненности, нет смысла задумываться о том, каким должен быть общий тип мышления бессмертной души о мыслящей субстанции в то время, как надо «очеловечивать» чужие пространства субстанции протяженной. Простому человеку, каждый день добывающему хлеб насущный, эта позиция весьма близка. На наш взгляд, Картезий, сам того не желая, попытавшись на не схоластических позициях обосновать вечность души и существование Бога, приоткрыл ворота философскому кризису христианства. Живший еще на заре христианства, во II в. н. э., Тертуллиан чувствовал эту опасность и призывал не идти на поводу даже частичной рационализации веры. Ему не вполне обоснованно приписывают высказывание «Верую, ибо абсурдно». На самом деле в сочинении *De Carne Christi* («О плоти Христа») слова античного богослова более определены: «Умер Сын Божий — это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес — это несомненно, ибо невозможно» [3]. Невозможность как основа веры (несомненности религиозных догматов) вступает в прямое противоречие с декартовским мыслительным актом сомнения как доказательством существования субъекта. Рацио Декарта, будучи распространено и на сущность веры, подорвало ее иррациональные основания. «Доводы, доказывающие существование Бога и бессмертие души», стали одной из отправных точек пути, в конце которого ницшеанский Заратустра сказал, что «Бог умер».

Выбивая из-под ног религии надежную почву иррационализма (недаром картезианские сочинения были внесены в «Индекс запрещенных книг» католической церкви), методология Декарта в XVII — XIX вв. своими отдельными аспектами постепенно проникала в сознание широких масс. Это происходило по мере распространения в Европе нерелигиозного образования с акцентом на точные и естественные науки. «Рассуждения о методе» большинством тех, кто с ними как-то знакомился, конечно

же, не воспринимались целостно (впрочем, это мало отличается и от наших дней). Декартовская формулировка о том, что Бог сотворил законы природы, каковые с тех пор работают как автономный механизм, вполне соответствует рационалистической протестантской этике. Однако иррационализм общественного сознания, теряя христианскую форму, должен был обрести какую-то иную, в снятом виде содержащую предыдущую. Так оказалось методологически подготовлено место для иррациональной составляющей тоталитарных претензий нерелигиозных общественных идеологий XIX — XXI вв.

Подчеркнем, что для формирования любой общественной идеологии, претендующей на трансляцию непреложных истин и монополю на универсальные пути решения проблем, дуализм картезианского типа является исходной точкой. Вернее сказать, он создает исходное пространство для тотальных смыслов. Таковое «находится» как бы «между» *res extensa* и *res cogitans*. Широкие народные массы не поднимаются до всеобщего уровня декартовских рассуждений о методе, их интересует возможность конкретного разрешения противоречий между собственным сознанием и миром грубой вещной протяженности. Дуализм, описанный великим французским мыслителем в XVII в., выразил и по сей день выражает эту противоречивость человеческого существования. Идеологемы тотального характера (и монотеистические религии, и общественно-политические идеологии с универсальными рецептами счастья) занимают охарактеризованное смысловое пространство. В этом отношении, действительно, «свято место пусто не бывает». В отношении христианского мировоззрения эту истину со всей отчетливостью выразил Н. Мальбранш. Во многом отталкиваясь от упомянутых выше «Оснований метафизики», он учил, что лишь Бог, в силу своего совершенного всемогущества, обуславливает и реализует взаимосвязь ментальных и физических событий [4]. Причем это божественное согласование единственно верное.

По мере секуляризации общественного сознания место Бога занимают различные идеологии, объединяющиеся при всей принципиальной несхожести империалистическими претензиями. В этом смысле теория советского «развитого социализма», китайского маоизма и американской глобально-либеральной демократии оказываются удивительно схожими. И не случайно, что картезианский по своему базовому смыслу дуализм возрождается в творчестве философов, оказавших сильное влияние на общественное сознание уже в XX в. Так, К. Поппер в «Открытом обществе...» [5], казалось бы, критикует именно эту тенденцию к тоталитарному согласованию мышления и физического бытия в форме «историцизма», проявляющуюся у Платона, Гегеля, Маркса и Ленина. Анализируя общность взглядов Декарта и Поппера, С. Прист пишет: «Могут быть ментальные причины с физическими действиями и физические причины с ментальными действиями», что также известно как «психофизический интеракционизм» [6].

Из содержания позитивной части «Открытого общества» ясно, что Поппер делает ставку на освященное либерально-демократической идеологией распределение акционерного капитала предприятий среди рабочих. То есть, подобно Богу у Мальбранша, у знаменитого философа науки эффективным посредником в процессе интеракций сознания и телесного мира становится рыночный капитал. В свое время Декарт выдвинул дуализм мыслящей и протяженной субстанции в качестве рациональной и методологически (в особенности для математики и прикладных естественных наук) плодотворной альтернативы тотальному диктату схоластического религиозного мышления. Также и Поппер, сделав немало для разработки современной научной методологии, полагал свои труды альтернативой тоталитарному историцизму. Однако формулы дуализма, выраженные Декартом, Мальбраншем, Поппером, предполагают наличие некоей силы, согласующей взаимодействия мышления и телесной протяженности. В реальном идеологическом выражении эта сила

приобретает формы той же самой отчужденной тотальности, против которой Поппер так последовательно выступал. Она подобна трудно проницаемому или вообще непроходимому буферу между миром мысли и миром физики, между разумом и материей, душой и телом, желаемым и действительным. Человек должен встать на сторону этой силы, чтобы решить свои насущные проблемы и обрести смысл жизни.

Кроме непреходящих методологических разработок, заслуга Декарта заключается в том, что он прочно встал на путь рационализации дуализма. Но это еще не означает рационализации общественного сознания. Подавляющее большинство наших современников (среди которых немало и заслуженных ученых мужей) путают рационализм с прагматизмом. Последний же, по выражению Г. В. Лобастова, служит тому, что «всё стремится в силовом поле рынка “натянуть на себя” форму товара» (и интеллект, и профессиональные способности, и совесть) [7, с. 149]. Прагматизм является своего рода паллиативом рационалистической картезианской формы дуализма. Выше мы пользовались образом идеального прагматика. Для такового «субстанция мыслящая», в особенности в условиях капиталистической экономики, представляет интерес лишь только в том случае, если приносит доход. Между тем рассуждения Декарта о душе и Боге в свете его методологии — это обращение познающего сознания на самое себя. Причем это не пассивное созерцание, но активная медитация о своих основаниях (в точном соответствии с латинским значением термина *meditatio* — «размышление»). Декартовское познание *res cogitans* в себе — это метод рационального исследования мира идеальных форм, которые, будучи осознаны со всей ясностью и логичностью, отлично подходят для познания мира протяженной субстанции (что Декарт доказывал в приложениях к «Рассуждениям...» — «Диоптрика», «Метеоры», «Геометрия»).

Двойственность картезианских субстанций оказала крайне противоречивый и во многом определяющий эффект

на развитие философской и общественно-политической мысли Запада:

— с одной стороны, она подорвала иррациональные столпы религиозной идеологии, с другой — оставила маячащего в основании мира Бога как пример всеохватной тоталитарной идеи;

— с одной стороны, картезианская методология позволяет исследовать сложные физические процессы, с другой, остается парадоксально неразрешенным постулат о бессмертной мыслящей душе и необходимости ее погружения в глубины *res extensa* (т. е. остается лакуна в описании механизма преобразующего воздействия созданных человеком идей на материю);

— с одной стороны, картезианский дуализм имеет универсальный характер, с другой — в силу своего исторического развития, взаимодействуя с протестантской этикой, оказывается на службе капиталистического прагматизма, направленного в первую очередь на материальный мир (а идеальный низводящий до статуса товара, имеющего стоимостный эквивалент).

Таким образом, картезианский дуализм и в XXI в. имеет громадное значение не только в сфере «высокой» научной методологии, но и в области политико-экономической идеологии, определяющей ценности существенной части человечества. Согласовать и объединить в едином смысловом пространстве декартовские субстанции может лишь подобная по тотальности Богу идея идей. В том случае, если таковая всеохватно занимает ум, человек перестает развиваться как свободный творец истории.

Литература

1. **Декарт Р.** Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
2. **Декарт Р.** Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения: в 2 т. / Р. Декарт. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 250—296.
3. **Тертуллиан.** О плоти Христа // The Tertullian Project: [электронный ресурс] / R. Pearse, V. Kalashnikov. URL: http://www.tertullian.org/russian/de_carne_christi_rus.htm (дата обращения: 02.08.2018).
4. **Мальбранш Н.** Разыскания истины. СПб.: Наука, 1999. 591 с.

5. **Поппер К.** Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 528 с.

6. **Прист С.** Теории сознания / Пер. А. Ф. Грязнова // Psylib: Психологическая библиотека «Самопознание и саморазвитие»: [электронный ресурс] / Фонд содействия развитию психической культуры (Киев). URL: <http://psylib.org.ua/books/prist01/> (дата обращения: 01.08.2018).

7. **Лобастов Г. В.** Философия как деятельная форма сознания. М.: НП ИД «Русская панорама», 2018. 262 с.

One's Reason and Searching for Truth in the Science), *Sochineniya*, v 2 t., by R. Dekart (R. Descartes), T. 1, M., Mysl', 1989, pp. 250—296.

3. Tertullian. "O ploti Khrista" (On the Flesh of Christ). *The Tertullian Project*. R. Pearse, V. Kalashnikov, n. d. Web. 2 Aug. 2018. <http://www.tertullian.org/russian/de_carne_christi_rus.htm>.

4. Mal'bransh N. (Malebranche N.) Razyskaniya istiny (The Search after Truth), SPb., Nauka, 1999, 591 p.

5. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi, v 2 t. (The Open Society and its Enemies, in 2 Vols.), M., Feniks, Mezhdunarodnyi fond "Kul'turnaya initsiativa", 1992, T. 1. 448 p., T. 2. 528 p.

6. Prist S. (Priest S.) "Teorii soznaniya" (Theories of the mind), per. A. F. Gryaznova. *Psylib: Psikhologicheskaya biblioteka "Samopoznanie i samorazvitie"*. Fond sodeistviya razvitiyu psikhicheskoi kul'tury (Kiev), n. d. Web. 1 Aug. 2018. <<http://psylib.org.ua/books/prist01/>>.

7. Lobastov G. V. Filosofiya kak deyatel'naya forma soznaniya (Philosophy as Deedful Form of Consciousness), M., NP ID "Russkaya panorama", 2018, 262 p.

Поступила 06.11.2018

Третьяков Дмитрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции филиала АНОО ВО «ВЭПИ» в г. Старый Оскол (Россия, 309514, Белгородская обл., г. Старый Оскол, ул. Ленина, 59), dmitrtrtyakoff@yandex.ru

Submitted 06.11.2018

References

1. Dekart R. (Descartes R.) *Izbrannye proizvedeniya* (Selected Works), M., Politizdat, 1950, 712 p.

2. Dekart R. (Descartes R.) *Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum i otyskivat' istinu v naukakh* (Discourse on the Method for Rightly Directing

Tretyakov Dmitriy Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, associate professor of the Law Department, Stary Oskol branch of Voronezh Institute of Law & Economics (VILEC) (Russia, 309514, Belgorod region, the city of Stary Oskol, Lenina st., 59), dmitrtrtyakoff@yandex.ru